

АВИАЦИЯ и КОСМОНАВТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ

Содержание

С. Руденко — Могучие крылья Отчизны	2
Рассказывают участники парадов	4
О. Назаров — По трассе парада. (Репортаж с борта сверхзвукового ракетоносца)	9
Г. Безбородов — На голубых дорогах страны и мира	14
В. Король, А. Капцевич — Приумножая гвардейские традиции	17
В. Вуколов — Когда активна инженерная мысль	22
Г. Титов — Самолет — космический корабль — ракетоплан	26
А. Рытов — Небо в огне	30
Е. Смирнов — Им рукоплескал мир	36
С. Ушаков — Необычное задание	40
С. Пономарев — Таким был летчик Груздев	44
В. Зайцев — Созвездие советских асов	47
Э. Миниртумов — Развитие аэродинамики самолета	51
С. Туманский — Большие скорости и реактивное сопло	57
А. Пятнов — Мы живем полетами	62
В. Измайлов, И. Жихарев — Верная линия	65
В. Урюжников — На предельно больших высотах	69
Е. Нестеров — Когда первым атакует ведомый	71
Г. Милашенно — Ночью без приводных радиостанций	74
К. Гольберг, В. Жовтый — На пути к комплексной подготовке	76
И. Теряев — Главное и детали в предварительной подготовке	80
В. Андреев, Б. Федоров — Стыковка на орбите	84
С. Городинский, Ю. Скачнов — Защита зрения от солнечной радиации	88
В. Определянов — Ракетные двигатели на гибридных топливах	91
И. Сушин — Альбом о боевом пути ВВС	94
Для тех, кто готовится к конкурсным экзаменам и занимается самообразованием	94

9 ИЮЛЯ
СТРАНА
ОТМЕЧАЕТ
ДЕНЬ

ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА
СССР.

С праздником
вас,
дорогие
читатели!

7

И Ю Л Ь

1 9 6 7

ИЗДАЕТСЯ
С 1918 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Таким был ЛЕТЧИК ГРУЗДЕВ

К. А. Груздев.
Фото военных лет.

Автор этого очерка генерал-майор авиации С. Пономарев был комиссаром полка, сформированного в первые дни Великой Отечественной войны из летчиков-испытателей. Это было созвездие асов, боевая гвардия неба. Героически сражались с врагом летчики полка, уничтожили восемьсот десять фашистских самолетов. Начав боевую деятельность на подступах к Москве, они встретили День победы под Берлином.

В АВГУСТЕ сорок первого наш авиационный полк базировался на одном из аэродромов Северо-Западного фронта.

Как-то на летном поле подошел ко мне Константин Афанасьевич Груздев.

— Ну, как дела, комиссар?

А сам, смотрю, какой-то он не такой, как обычно, нет в нем характерной для него жизнерадостности. Чувствуется, что-то его беспокоит.

Ну, думаю, дела командирские. Все-таки только недавно принял полк, сменил на этом посту известного летчика-испытателя П. Стефановского. Трудновато ему.

Поговорили мы тогда с ним о делах, и вдруг Костя, как по-дружески называл я Груздева в неофициальной обстановке, неожиданно сказал:

— Федотыч, а Федотыч, поговорить нам надо, — чуть поколебавшись, он продолжал. — Понимаешь, я с тобой, как с другом. Сам знаешь, не фаталист я. Ни в бога, ни в черта не верю. Но вот какая штука. Не спокойно что-то у меня на душе. Двенадцать самолетов сбил, а следующий... тринадцатый.

Я постарался этот разговор перевести в шутку. У меня не было сомнения в том, что со стороны Груздева это было всего-навсего желанием поговорить по душе.

То были очень тяжелые дни. На глазах гибли товарищи, боевые друзья. И даже к сильным людям порой закрадывалась тревога. А Груздев был очень сильным человеком.

Константин Афанасьевич рано лишился родителей. Воспитывался в детдоме. С мальчишеских лет сам зарабатывал себе на хлеб. За что только ни

брался, был даже акробатом в цирке. Потом его увлекла мечта о небе. Поступил в авиационное училище и в летном деле нашел свое призвание. Самолетом он владел блестяще. Стал летчиком-испытателем.

На фронтовом аэродроме мы принимали Груздева в партию. Выступая на собрании, он заверил своих боевых товарищей, что будет драться с фашистскими стервятниками, не щадя своей жизни. И с такой страстью звучал его голос, что все мы поняли: слова эти от самого сердца.

Нет, такого человека не могли сбить с толку какие-то предчувствия. Но, видимо, в суровой обстановке любая мелочь могла повлиять на настроение.

Говорю Груздеву:

— У меня есть предложение, Костя. Чтобы тебе перейти этот «рубеж», не будем откладывать дело в долгий ящик. Давай-ка сейчас я взлечу на ПО-2, а ты — на боевом. Рубани меня по хвостовому оперению. По кабине, знаю, не попадешь. И все в порядке, будем считать — тринадцатого завалил.

Этот «вариант» немного развеял. От души поговорили, пошутили. И я почувствовал, что настроение у командира изменилось к лучшему.

Вскоре командующий ВВС фронта генерал Куцевалов принял решение бомбардировать вражеский аэродром, где базировалось большое количество немецких самолетов.

Налет этот был тщательно подготовлен. В нем приняли участие бомбардировщики ПЕ-2, штурмовики ИЛ-2 и наши истребители во главе с майором Груздевым. На штурмовку аэродрома летчики ушли во второй половине дня. Первыми нанесли бомбовый удар ПЕ-2, затем атаковали «ИЛы» и истребители. Противник был застигнут врасплох и понес большие потери.

С аэродрома успел подняться только один МЕ-110. Он быстро набрал высоту и стал заходить в хвост бомбардировщику ПЕ-2. Это заметил майор Груздев. Резко развернув машину, он отразил атаку, и гитлеровец вынужден был оставить «пешку». Завязался упорный бой.

Фашист оказался искусным летчиком. Драться с ним было не так просто. Он в совершенстве владел своим самолетом и несколько раз ставил Груздева в затруднительное положение. Поединок продолжался более десяти минут.

Но пока ни один из летчиков не открывал огня, не было подходящей возможности для прицельной атаки. Уже этот факт говорил сам за себя — схлестнулись слишком опытные, не уступающие в тактике и мастерстве пилотажа летчики. Порой казалось, что тут не будет победы.

Но вот, не выдержав напряжения, гитлеровец на какой-то миг промедлил с маневром. Этим воспользовался Груздев. Он зашел МЕ-110 в хвост и с предельно короткой дистанции сразил его меткой очередью.

Груздев вернулся на аэродром последним. Солнце уже зашло.

— Федотыч, рубеж преодолен! — обрадовался он ко мне, радостный, возбужденный боем. — Но мне достался такой орешек... Сколько провел боев, а такого еще не было: чуть меня, проклятого, в землю не вогнал. Сходились так, что я его физиономии видел. Но под конец у него, видно, нервы сдали. Да... теперь мне никакой черт не страшен.

Груздев показал мне руки. Взгляни, мол, как пришлось поработать. Я посмотрел на его руки. Они чуть дрожали.

Мы собрали всех летчиков. Заслушали доклады о выполнении боевого задания. Разобрали ошибки. Начальник штаба подполковник Солдатенко сообщил о том, что все штурмовики и бомбардировщики, за исключением одного ПЕ-2, вернулись на свои аэродромы.

Что могло произойти с экипажем самолета ПЕ-2? Летчик Баулин, который к тому времени сбил 9 самолетов противника, доложил, что он лично видел, как «пешки» отработали и повернули на свою территорию. Правда, один самолет отстал от группы, но к нему пристроился летчик Кобзев и сопровождал его до нашего аэродрома.

В целом налет был удачным. Но все омрачила потеря экипажа бомбардировщика.

Вечером, на ужине, подполковник Солдатенко сказал мне:

— Был я в вышестоящем штабе, знаешь, о чем там поговаривают? А не сбил ли «пешку» по ошибке кто-то из наших истребителей?

Меня это очень обеспокоило. Воздушный бой вел один Груздев и сбил МЕ-110. Правда, этот самолет несколько похож на ПЕ-2 по своему внешнему виду. Но перепутать их мог только неусушенный летчик. К тому же Груздев лично еще до войны летал на МЕ-110. Но слухок о том, что «пешку» рубанул Груздев, все же пошел...

В конце дня я зашел в землянку, которая служила одновременно и командным пунктом и местом отдыха. Там разговаривали командир и начальник штаба. Только я появился, Груздев обратился ко мне. Голос его звучал взволнованно:

— Комиссар! Ты слышал, тринадцатый-то мне все же боком выходит. От тебя отказался, так мне «пешку» приписывают. Говорят, что это я ее сбил. Ну, что тут скажешь, а?

Как можно спокойнее отвечаю:

— Командир, я просто не ожидал, что ты эту глупость так близко примешь к сердцу. Ты же уверен, что сбил «мессера». Значит, все в порядке.

Часа в два ночи раздался телефонный звонок. Беру трубку. Звонит командир дивизии полковник К. Катичев. У него было правилом каждой ночью поинтересоваться, все ли предусмотрено и подготовлено к завтрашнему дню. И на этот раз спрашивает: все ли на аэродроме в порядке, не оставлены ли на летном поле тормозные колодки, подъемники, баллоны, какое настроение у командира.

Я ответил, что Груздев переживает, не спит, что сейчас вышел на улицу подышать свежим воздухом.

— Здесь, — заметил комдив, — кое-что проясняется. Так что он напрасно беспокоится. Передай ему — пусть спокойно отдыхает. Завтра опять воевать будем.

Я вышел на улицу, передал Груздеву разговор с командиром дивизии. Он немного успокоился. Мы сели с ним на скамейку около землянки и проговорили почти до утра. Этот ночной разговор как-то еще больше сблизил нас друг с другом.

Утром поступило радостное сообщение о том, что ПЕ-2 нашелся. Оказывается, это был тот экипаж, которого атаковал взлетевший МЕ-110. Отстав от группы, бомбардировщик на малой высоте следовал к своему аэродрому, но проскочил его и сел на другом. К сожалению, связь с тем аэродромом была нарушена, и экипаж не мог доложить о своей посадке.

Груздев чувствовал себя на седьмом небе. На радостях он даже крутил салюты.

Вскоре стало известно, что при налете на вражеский аэродром было уничтожено более 20 самолетов противника на земле, а также один МЕ-110 в воздушном бою.

Причем управлял этим «мессершмиттом» опытейший летчик.

Так на боевом счету Груздева появился тринадцатый сбитый самолет. А всего за несколько месяцев войны он лично уничтожил девятнадцать вражеских машин.

Это был исключительно энергичный человек, очень внимательный к окружающим, особенно к менее опытным летчикам. Зачастую, закончив послеполетный разбор, он садился в кабину и показывал на практике, как надо вести воздушный бой.

Помнится, Груздеву были очень благодарны летчики-штурмовики полка, которыми командовал офицер Дельнов. Мы устраивали встречи, на которых Груздев разбирали с ними приемы воздушного боя штурмовика с истребителем, проводил с ними показательные бои над аэродромом. Молодые летчики-штурмовики на этих разборах и в полетах проникались уверенностью, что они сами могут при необходимости вступить в бой с воздушным противником. Впоследствии это подтверждалось на практике: штурмовики полка ста-

ли бить противника не только на земле, но и в воздухе.

В 1942 году Константин Афанасьевич Груздев был отозван с фронта в НИИ ВВС и снова приступил к испытательской работе. В том же году он вторым в нашей стране, после капитана Г. Бахчиванджи, совершил полет на самолете с жидкостным реактивным двигателем конструкции В. Ф. Болховитинова.

Из одного испытательного полета К. А. Груздев не вернулся. Он проверял «аэрокобру» на штопор, и на самолете разрушилось хвостовое оперение.

Летчик погиб. Но остались в строю боевые друзья отважного авиатора. Поднимаясь в огненное небо, они сокрушали врага, не ведая страха в бою. И не было такой силы, которая могла бы остановить их победную поступь. Ведь этих бойцов взрастила страна Октября. Их воспитывали и вели за собой такие командиры, каким был коммунист Константин Афанасьевич Груздев, — люди крепкой ковки, несгибаемые духом.

**Генерал-майор авиации
С. ПОНОМАРЕВ.**